

**Александр
РЕСИН**

г. Москва

МЕЗЕНЬ - *прошлое и настоящее*

В детстве одной из любимых книг, которую я не раз с удовольствием перечитывал, была книга Константина Бадигина «Путь на Груммант». Книга о подвиге поморов, оказавшихся на полярном острове, после того как их корабль был затерт льдами. Зимовка продолжалась больше шести лет и в условиях, которые были несравнимо тяжелее, чем у Александра Селькирка, прообраза литературного героя Робинзона Крузо.

Тогда, читая Бадигина, я и не предполагал, что у его героев, так же как у героя Дефо, были прообразы, и действительно с 1743 по 1749 год на Шпицбергене жили мезенцы: Алексей Химков, Иван Химков, Степан Шарапов и Федор Веригин.

Об их подвиге, как ни странно, хорошо знали в Европе, так как в 1760 году на немецком языке вышла книга «Приключения четырех российских матросов, к острову Ост-Шпицбергену бурей принесенных, где они шесть лет и три месяца прожили». Автор книги – ученый Пьер Леруа, который с 1731 года жил в России, был профессором истории, членом Петербургской академии наук и учителем у сына Бирона. В 1748 г. он был уволен со службы в академии и покинул Россию.

Оригинальное сочинение Леруа было издано в 1760 г. в Риге и Митаве под названием: «Erzählung der Begebenheiten vier Russischer Matrosen, die durch einen Sturm zur Insel Ost Spitzbergen verschlagen wurden». В Петербурге книга была опубликована в 1766 году на французском языке. На русском она появилась впервые лишь в 1772 году.

Широкую известность этот подвиг поморов приобрел лишь после выхода книги Бадигина в 1973 году, но мало кто знал, что автор повести использовал в качестве сюжета реальные события. А подобные случаи и опасности постоянно сопутствовали походам мореходов-поморов – первых открывателей и исследователей неведомых земель Северного Ледовитого океана.

Уже к XVI в., освоив морские промыслы в Белом море, поморы вышли в открытый океан, исследовали всю Западную Арктику от Шпицбергена (Грумманта) до Новой Земли и пошли дальше – до Оби и Таймыра. Ни одна серьезная научная экспедиция в Арктику и северо-восточные земли европейской России, включая и Великую Северную экспедицию 1730-х гг., до начала XX в. не обходилась без участия поморов-мезенцев. Опыт мест-

ных кормщиков, лоцманов, проводников подчас решал успех дела. В знак признательности заслуг мезенских поморов 21 географический объект в Арктике назван их именами: мыс Инькова, Шарповы кошки, бухта Откупщикова, остров Личутина, горы Минкина на Шпицбергене и др. Мезенские поморы первыми описали архипелаг Новая Земля и сведения о нём передали академику В.В.Крестинину.

М.В. Ломоносов неоднократно призывал использовать опыт и знания мезенских поморов. При подготовке секретной экспедиции на Шпицберген (Груммант) под руководством адмирала В.Я.Чичагова мезенцев приглашали в Санкт-Петербург для опроса и совета.

* * *

Читая Бадигина, я не мог и предположить, что мне придется побывать в родных местах любимых героев и увидеть многое, что осталось неизменным с тех далеких времен.

* * *

История Мезенского края своими корнями уходит в период среднего мезолита, когда древний человек пришел в эти края вслед за отступающим ледником, – около 10 тысяч лет назад. Около пяти тысяч лет назад территорию края заселили предки самодийских и угро-финских племен. Три-четыре тысячи лет назад пространство тундры заняли кочевые ненецкие племена, пришедшие из-за Урала.

Первоначальное проникновение русских можно отнести к IX веку, а в XIII веке появились первые поселения славян. Самое древнее русское поселение – слобода Лампожня, которая была известна как торговый пункт на «чрезкаменном» пути в Сибирь.

Мой путь в Мезень начинался в стенах родной альма-матер, где мы с женой, студенты-биогеографы, записались в экспедицию на Север на летние каникулы. Экспедиция была организована Тимирязевской академией по заказу Архангельского института Госгипрозема.

Работа предстояла в Архангельской области, у Полярного круга. Предстояло за три летних месяца исходить и нанести на карту аэрофотосъемки все луга, поля и перелески Мезенского и Лешуконского районов, а также выяснить, какие травы и в каком количестве там произрастают. На нашу долю выпало пятьдесят пять тысяч гектаров в окрестностях Мезени. Карты аэрофотосъемки были масштаба в 1 сантиметре 100 метров и, по суще-

ствующим тогда законам, были секретными, и поэтому пришлось получать допуск на работу с ними в первом отделе. В СССР все карты масштаба крупнее, чем в сантиметре – 1 километр, считались секретными. Карты, правда, оказались десятилетней давности и часто совсем не соответствовали реальности. Там, где на карте был луг, за десять лет вырос молодой лес.

Платили в экспедиции совсем не плохо, да еще и северные надбавки, так что для студентов деньги были неплохие. Да еще и поглядеть на незнакомые места, куда не так уж много людей попадает, а если и попадает, то обычно не по своей воле, было интересно.

Места будущей экспедиции со средневековья являлись местом ссылки. В 1664–1666 годах в Мезени содержался известный старообрядец и противник церковной реформы патриарха Никона, протопоп Аввакум, а в 1680–1682 – опальный боярин Артамон Сергеевич Матвеев. В разное время здесь находились в ссылке: П. А. Моисеенко, Александр Серафимович, В. А. Шелгунов, И. Ф. Арманд, К. Е. Ворошилов, С. Н. Марков и другие.

Лауреат Сталинской премии писатель Серафимович, оказавшись в Мезени в ссылке, так охарактеризовал город, приютивший его: «В нём полторы тысячи жителей, одна улица, два переулка и густо и сочно поросшая травой площадь, и он весь – из старого, прогнившего дерева. Деревянные провалившиеся, почерневшие крыши, почерневшие срубы домов, деревянные, с выпавшими досками, тротуары, деревянная колокольня, тёмная церковка, потемневший деревянный острог. Точно старый, проросший, обомшевший чёрный гриб».

Люди жили здесь замкнуто, чисто по природным обстоятельствам. Уезжали редко, дорог не было, и пробирались сюда зимниками или морем. В советское время это была пограничная зона, как и в настоящее время.

В этих краях не было войн, сюда не приходили завоеватели. Здесь все друг другу немного родственники. Здесь по фамилии могли понять, из какой ты деревни происходишь. Многие знают свою родословную до XVI века.

На пике застойных времен государство в очередной раз решило обогнать Америку по молоку и мясу, и нашу экспедицию отправили выяснять, как у нас на севере обстоит с этим дело. Есть ли ресурсы. В общем, обгоним или нет.

А с молоком и мясом в стране обстояло совсем плохо. Даже в Москве приличное мясо достать можно было только по блату, а те мослы, которые оставались на прилавках, хорошим мясом сложно было назвать. Лежащие на прилавках куры синего цвета вызывали ощущение, что умерли они от голода и усталости при их пешем перегоне в магазин.

Как любая экспедиция, эта также началась с таскания рюкзаков и кучи ящиков. Сначала долгий путь по железной дороге до Архангельска, затем переброска всего груза на самолете в село Лешуконское, а затем на пароходе вниз по реке Мезень до села Дорогорское, где и располагалась основная база экспедиции.

Впечатлений от новизны было так много, что все они и не запомнились, кроме самых ярких, вроде использования в качестве кровати стола для игры в бильярд в Лешуконском, где пришлось ночевать в красном уголке сельсовета. Там же пришлось впервые столкнуться с северными комарами, которые просто заедали, и, чтобы как-то заснуть, пришлось обмотаться марлей, став похожим на мумию.

Но больше всего запомнилось плавание на пароходе вниз по реке Мезень. На том же пароходе плыл на гастроли Лешуконский народный хор, и они репетировали прямо на палубе. Красота природы Севера, нетронутая тайга по удивительным красному цвета высоким берегам реки и прекрасные голоса, исполняющие народные песни, просто завораживали.

Высота красных глинистых берегов реки достигает 30-40 метров. Река Мезень является одной из крупнейших рек европейского Севера России и наибольшей по длине из рек, впадающих в Белое море. В верхнем течении реки берега высокие и скалистые, в среднем течении Мезень извилиста, много перекаатов, затрудняющих судоходство. В нижнем течении, ниже устья реки Вашка, русло изобилует мелями и перекатами.

В Дорогорском после обустройства началось обучение новеньких, впервые участвующих в такой экспедиции. Инструктор выходил с новичками на маршрут и обучал распознавать все растения, встретившиеся на пути, и делать описание местности и наносить все это на карту.

Здесь же впервые началось общение с жителями села, и оказалось, что понять поморский говор

не так уж просто. Поморский говор – своеобразный язык, который во многом отличается от языка центральной России:

– Порáто-ль мно́го гúбок-то наломáл?

Сложно сразу понять вопрос и перевести, что тебя спрашивают – достаточно ли ты насобирал грибов? Кошки здесь – это отмели, щельи – обрывистые берега реки и глубокие овраги.

Поморский говор очень богат, в свое время краевед Иван Матвеевич Дуров (1894–1938), в период с 1912 по 1934 год собрал 12 тысяч поморских слов и выражений для «Словаря живого поморского языка».

В Московском государственном университете в период с 1980 по 2010 год было издано 13 томов «Архангельского областного словаря» (от А до Ж), содержащих около 26200 слов и значений многозначных слов.

* * *

Две недели обучения пролетели быстро, и после этого все стали разъезжаться по своим районам работ, охватывающих всю Мезень.

Порученный нам участок охватывал низовье реки Мезень и включал сам город Мезень и ее окрестности в радиусе 30 километров.

Выбор деревушки Заакакурье, в 16 километрах от Мезени, был вполне удачным. Деревенька располагалась примерно в середине района, в котором предстояло работать, и решил, что удобней всего делать радиальные маршруты из центра, я поехал снимать будущее жильё.

* * *

Деревенька состояла из десятка домов и сельского магазина на пригорке. Посредине деревеньки на доме красовалась вывеска «Управление совхоза». Туда я и направился.

В конторе сидел солидный мужчина средних лет в костюме и при галстук, который почему-то очень обрадовался, когда услышал, что московская экспедиция собирается работать в их краях и даже ищет жильё для аренды.

– С жильём у нас нет проблем. Можете жить у меня, – заявил он.

Как оказалось в дальнейшем, жить с Петрови-чем по соседству было не очень комфортно, но это выяснилось позднее.

Продолжая улыбаться, он повел показывать будущее жильё. Ожидая увидеть обычный огромный

поморский дом с надворными постройками и скотиной под одной крышей, я очень удивился, когда подошли к небольшому одноэтажному домику на краю деревни.

Как потом оказалось, это был домик, построенный для сезонных рабочих.

Зайдя в дом, Петрович показал комнату с печкой и, попросив подождать его пару минут, вышел, вернулся он уже с бутылкой водки.

– Давай за знакомство.

Отказываться было неудобно, но вот чего никак не ожидалось, так это то, что закуски у Петровича не было вообще.

В общем, для юного организма половины бутылки водки архангельского разлива хватило, чтобы о последующих 24 часах было что вспомнить всей деревне. Сам я, правда, ничего не помнил и узнал о дальнейших событиях только из рассказов деревенских...

Примерно через час после начала знакомства и опустошения бутылки Петрович откланялся, заявив, что ему пора ехать в поле, давать трудящемуся коллективу руководящие указания.

В советские времена в мезенских совхозах поголовье насчитывало 10000 совхозных коров и тысячи частных коз и овец. Здесь был маслозавод и сырный завод. Правда, почему-то в местных магазинах ни масла, ни сыра не наблюдалось.

После ухода Петровича я направился на остановку единственного в тех краях автобуса, который должен был через час пройти через деревню. После этого был полный провал в памяти.

Новый проблеск сознания зафиксировал взгляды, направленные со всех сторон. Открыв глаза, я увидел множество деревенских жителей, окруживших плотным кольцом остановку, на которой я уснул под влиянием употребления непривычного напитка, да еще и без закуски. Часы показывали два часа ночи, ожидаемый автобус прошел шесть часов назад.

Как потом рассказали присутствующие в толпе, они собрались послушать концерт, который я устроил на остановке, громко горланя патристические песни, вдолбленные в голову начиная с детского возраста:

«По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед»;

«Мы сыны батрацкие, Мы за новый мир, Щорс идет под знаменем – Красный командир»;

«Смело, товарищи, в ногу! Духом окрепнув в борьбе, В царство свободы дорогу Грудью положим себе. Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой».

Насколько эти песни были любимы на Севере, я так и не узнал, но деревенька была глухая, и концерты здесь были редкостью. Так что мое выступление собрало массу зрителей, даже ночью, благо в полярный день на Севере солнышко не заходит и было относительно светло.

Весь исполненный репертуар я не помнил, но, судя по опасливым взглядам, которые в дальнейшем бросали при встрече деревенские жители, что-то в песнях было и из ненормативной лексики.

Увидев, что исполнитель очнулся и концерт окончен, народ разошелся по домам, а я остался в одиночестве на остановке.

Следующий автобус по расписанию ожидался в три часа следующего дня, а пешком идти десятки километров особого желания не было. Вламываться к Петровичу в два ночи было не очень удобно.

Переполненный жалости к самому себе, я сидел на остановке и вдруг услышал шум мотора приближающейся машины. Выскочив на дорогу, я стал сигналить машине с просьбой остановиться. Машина приближалась, но скорость не сбавляла и останавливаться явно не собиралась.

Пришлось выйти на середину дороги и загородить проезд. Машина начала сигналить, но затормозила и остановилась в нескольких шагах.

Двери открылись, и из машины выбрались два мужика с очевидным намерением набить мне физиономию и убрать неожиданное ночное препятствие с дороги.

По мере приближения что-то в их лицах стало меняться. Вероятно, мой внешний вид их несколько озадачил. На местного я был явно не похож, и поэтому они довольно вежливо поинтересовались, какого лешего я перегородил им дорогу.

Потом, уже в пути, выяснилось, что мне очень повезло, так как машины в тех краях ночами ездят редко, да и не принято останавливаться и брать попутчиков, так как в Архангельской области полно лагерей и неизвестно кого встретишь.

Спасителем оказался главный инженер совхоза, находившегося в тех краях, где располагалась центральная база экспедиции, который, на мое счастье, ездил встречать жену в Мезень и там задержался.

На базе пришлось пробыть еще неделю, чтобы закончить стажировку. За эту неделю нас обучили определению всех видов растений, которые произрастают в Архангельской губернии, и теперь задача была применить эти знания на практике, нанести на карты, где же произрастают эти растения.

В Заакакурье к Петровичу я снова поехал один, так как жена еще не прилетела. Она проходила

учебную практику в Сибири и Средней Азии. Студентов-географов в советские времена после четвертого курса возили по стране и показывали все ее богатства.

Новому визиту Петрович очень обрадовался и через пять минут перед нами снова появилась бутылка. Правда, на этот раз, помня о прошлом зачете, я уже был с закуской и не сильно расстроил Петровича, заявив после первых рюмок, что совсем не мечтаю допивать бутылку до дна. Петрович такому раскладу был только рад, так как большая часть водки досталась ему.

Впрочем, как оказалось в дальнейшем, Петрович всегда мог найти себе собутыльников и без меня, что он, к сожалению, и делал довольно часто. Такая его любовь к спиртному совсем не радовала, так как через пару недель должна была прилететь жена и жить дверь в дверь с любителем застолий ей бы точно не понравилось.

Некоторая польза от знакомства с Петровичем все-таки была. Как начальник он разрешил покупать молоко с совхозной фермы. Учитывая, что с продуктами в деревне было плоховато и из Москвы привезти еды на три месяца мы никак не могли, молоко стало немалым подспорьем и разнообразило довольно скудное меню.

Первый поход за молоком, правда, оказался неудачным. Выйдя с бидончиком ранним утром и направившись к ферме, я оказался в окружении стада коров во главе с быком, который проявил неподдельный личный интерес к моей скромной персоне. Очевидно, бык был ревнивый и не терпел никаких соперников.

Опыта общения с быками у меня не было никакого, и поэтому пришлось позорно убежать во всю прыть.

Повторить попытку попасть на ферму удалось лишь после того, как стадо скрылось из вида. Молоко оказалось довольно водянистым и из-за отсутствия холодильника к вечеру превращалось в простоквашу. Но это было лучше, чем ничего. Так что на завтрак теперь было молоко с хлебом, который продавался в деревенском магазинчике.

Кроме хлеба, в магазине на полках стояли различные рыбные консервы, удивительная растительная колбаса, а также питьевой спирт, водка и тройной одеколон, стоявшие на одной полке, под которой красовалась грозная надпись: «В воскресные дни спиртные напитки и парфюмерные на спирту не отпускаются».

Очевидно, наличие в продаже питьевого 95 %-ного спирта по 8 рублей 12 копеек за бутылку и водки не отвратило некоторых ценителей от употребления одеколona.

А пили, судя по количеству осколков от бутылок на берегу реки, немало. Оказалось, что пустые бутылки просто некуда девать, так как никто их не принимал. Невыгодно, как считало государство, вывозить стеклотару с севера.

На следующее утро поход за молоком был более удачен. Стадо во главе с быком куда-то откочевало, и я благополучно вернулся домой.

* * *

На карте в первом маршруте было несколько островов на реке, где были луга, которые нужно было нанести на карту и описать. Подойдя к берегу реки и оценив расстояние до острова, я решил, что лучше подождать пару недель, когда, ближе к середине лета, уровень воды упадет и можно будет перебраться на остров вброд, без лодки.

Как оказалось, мыслить на севере категориями средней полосы России очень опасно.

Но тогда я этого не знал и чуть не погиб. Придя через пару недель на то же место, но в другое время, обнаружил, что протока до острова стала много уже и глубина в ней не больше полутора метров.

Раздевшись и связав одежду в узел, я перебрался через протоку и оказался на острове. Весь берег зарос густыми зарослями ивняка, а на карте луг, который нужно было описать, находился в самом центре острова. Пришлось двигаться вдоль берега в надежде найти проход в зарослях.

Пройдя около получаса, увидел просвет среди веток, кем-то пробитый туннель высотой немного больше метра. Чтобы в него проникнуть, пришлось наклоняться и двигаться, вытянув вперед руки, дабы ветки не хлестали по лицу.

Под ногами был песок, что заглушало шаги, так что единственным шумом было шуршание веток над головой.

Пройдя пару десятков метров, я ощутил, что руки уперлись во что-то мягкое и теплое, совсем не похожее на ветки. От неожиданности я присел и прямо перед собой увидел огромную голову с рогами. Решив, что это бык, да еще и дикий, я зарорал, а животное, безумно взревев, попятилось и, проломив кусты, бросилось прочь.

Придя в себя от потрясения, я понял, что это вряд ли был бык, а скорее корова, и ничего страшного не произошло. Наоборот, в зарослях появился просвет, кусты ивняка кончились, и я выбрался на луг.

Испуганное животное действительно оказалось коровой, которая убежала совсем недалеко и присоединилась к стаду ее товарок, которые довольно равнодушно смотрели на непрошеного гостя.

Не обнаружив в стаде быка, я успокоился и начал работать.

Растительность на острове была довольно однообразна, и часов через пять, обойдя весь остров, я вернулся к туннелю, но обнаружил, что его нет, а вокруг плещутся волны, из которых торчат верхушки ивняка.

Пришел прилив, уровень воды поднялся, и мне ещё очень повезло, так как многие острова на реке в прилив полностью заливаются, и пришлось бы ожидать отлив на ветках деревьев, как обезьяне, или меня просто бы унесло в море.

Ничего не оставалось, как искать, где же переждать прилив и ждать отлива. Комарья было так много, что от них спасал лишь толстый свитер и штормовка. На открытые участки тела наносилась «Дэта», которую, к счастью, взял с собой, страшно вредная для здоровья, но единственное средство в те времена, отпугивающее комаров. Если бы не она и одежда, за ночь комары могли бы высосать всю кровь.

Именно так когда-то казнили в тех местах, где комаров так же много, как на севере.

Отлив пошел около часа ночи, и часа в два утра я смог перебраться через протоку с острова на берег.

* * *

В устье Мезени уровень воды зависит не от времени года, а от суточных приливов и отливов, которые достигали иногда амплитуды до 8-9 метров в сутки. Приливная волна распространяется вверх по Мезени более чем на 60 км со скоростью около 2 км/ч. Два раза в сутки приливная волна подымается от устья вверх по реке, и два раза в сутки происходит отлив. Отлив движется с еще большей скоростью.

Именно в Мезенской губе в советское время планировалась постройка приливной электростанции, так как именно здесь самые высокие приливы на всем Российском Севере.

Местное население, издавна зная эти особенности Мезени, использовало приливы и отливы для поездок по реке. В прилив лодка двигалась вверх по реке, а возвращались с отливной волной, экономя время и силы гребца. Кроме того, заход крупных судов в мезенский порт был возможен только во время прилива.

О загадочном появлении коров на острове я узнал у деревенских. Оказывается, весной, когда трава уже выросла, стада коров загоняют на баржу и переправляют на острова, где они могут спокойно пастись, и никакого пастуха не требуется. Доярки приезжают каждое утро на лодке и доят ко-

ров. Осенью стадо снова переправляют обратно до следующей весны.

* * *

Время летело быстро, и вскоре должна была приехать жена. И я решил встретить ее в Архангельске, так как всегда приятно, когда тебя встречают, особенно в незнакомом городе и после нескольких месяцев разлуки.

Билеты тогда стоили дешево, и единственным неудобством был прилет самолета в Архангельск из Москвы ранним утром, еще до того как прибывает единственный в день авиарейс из Мезени.

Так что, чтобы встретить жену, пришлось лететь в Архангельск заранее, за день до ее прилета.

В Мезень из Архангельска летали Ан-2 или Ил-14 полярной авиации. Машины надежные, но, одна беда, без всякой звукоизоляции, так что, прилетев в Архангельск, я понял, что оглох от грохота мотора. Ночевать пришлось в аэропорту на скамейке.

Утром, еще полуоглохший, встретил жену, которая сообщила, что билет до Мезени у нее уже есть, хотя в последнем телефонном разговоре с Москвой было сказано, что билет отсутствует, и именно поэтому я и рванул в Архангельск.

В кассе выяснилось, что билетов на Мезень нет, так как несколько дней была нелетная погода и сейчас разлетаются те, кто застрял в Архангельске до этого. Так что пришлось сдавать билет и думать, как добраться до Мезени.

Нашим заказчиком исследований был Архангельский институт землеустроения, куда мы и направились за помощью, и директор заверил, что никаких проблем нет, так как у института есть бронь на билеты. Через пару минут он с удивлением сообщил, что брони нет, так как ее забрал обком партии, которому она зачем-то понадобилась.

Переночевав с любезного разрешения директора в его кабинете и позавтракав банкой шпрот, мы обошли за полдня все доступные достопримечательности города и решили, что нужно что-то делать, дабы снова не ночевать в директорском кабинете.

В Архангельске два аэродрома, один для пассажиров, а другой грузовой, почтовый, находящийся на острове посреди Северной Двины. Об этом аэродроме я знал, так как именно с него и отправляли грузы в начале экспедиции.

Купив бутылку водки, мы явились к начальнику грузовых перевозок.

— Не можем в Мезень попасть, работа стоит...

Такому трудовому энтузиазму он несколько удивился, но, указав на стоящий на летном поле самолет, ответил, что никаких проблем с этим

нет и через час почтовый борт летит в Мезень, за-
лазьте, мол, и летите.

Так что власть и влияние директора Архангельского землеустроительного института вместе с об-
ходом партии оказалась меньше, чем всего лишь
одна бутылка водки.

В огромных возможностях водки и спирта ре-
шать сложнейшие проблемы я в последующие го-
ды неоднократно убеждался в экспедициях по все-
му земному шару.

Перед самым вылетом начальник перевозок
спросил:

– А вам прямо в Мезень нужно?

– Да, но там еще автобус до основной базы.

– Рейс-то сначала идет в Каменку, это другой
берег реки, а потом только в Мезень. На автобус
вы уже не успеете, а ходит он раз в сутки.

– Ну что делать, лететь-то все равно надо, на
месте разберемся.

Начальник отошел и что-то сказал летчикам, как
раз направляющимся к самолету.

Забравшись по трапу в самолет, мы обнаружили,
помимо мешков с почтой, еще пять человек,
удобно расположившихся на этих мешках, очевид-
но, таких же сообразительных, как мы.

Ан-2 летит низко, так что в полете можно любо-
ваться красотами северной природы, но тут одна
из пассажирок почему-то забеспокоилась:

– Вроде мы не туда летим?

Заглянув в кабину летчиков, я спросил:

– Куда летим, командир?

– В Каменку.

Пассажиры слышали ответ, и народ успокоился.

Полет до Мезени обычно длится около часа, и
вот наконец грохот мотора внезапно стих. Для тех,
кто не летал на Ан-2 на Севере, – первый полет
всегда запоминается надолго. Летчики часто вык-
лючают мотор еще в воздухе и планируют на поса-
дочную полосу. Человека может и кондрашка хват-
ить, если он выглянет в иллюминатор в момент
наступившей тишины и обнаружит, что он еще в
воздухе, высоко над землей.

Самолет подрулил к своей стоянке на аэродро-
ме, и все выбрались на летное поле. С удивлением
я узнал Мезенский аэропорт. Остальные пассажи-
ры недоуменно оглядывались и направились к
летчикам.

– Вы куда нас завезли-то, мы вроде в Каменку
летели?

Командир экипажа, указывая куда-то на небо,
важно ответил: «В Каменке нелетная погода, вот и
пришлось сесть в Мезени»

* * *

Первым поселился тут, в районе будущей Ме-
зени, новгородский боярин Окладников с сы-
новьями, и первое упоминание о поселении от-
носится к 1545 году.

В середине XVII века царь Алексей Михайлович,
заботясь о росте архангельского порта, запретил
иностранным судам «приставать» в устье реки
Мезень, что явилось началом заката Окладнико-
вой слободы.

Мезень мало изменилась за века своего сущест-
вования. Александр Платонович Энгельгардт, гу-
бернатор Архангельской губернии, совершил в 1895
году путешествие в Мезенский и Печорский уезды,
где инспектировал недавно проложенные дороги, а
также изучал возможность пароходного сообщения
между Архангельском и Печорой. В «Записках» гу-
бернатора он писал: «Мезенский уезд занимает ог-
ромное пространство: его южная часть покрыта ле-
сом, а северная и северо-восточные части состав-
ляют Канинскую и Малоземельскую тундры».

К концу XIX века здесь проживало 24 тысячи рус-
ских и полторы тысячи «самоедов». Главный про-
мысел мезенцев – охота, заготовка и сплав леса,
рыбная ловля. Хлебопашеством вследствие суро-
вых климатических условий население занима-
лось очень мало: ранние морозы в начале августа
нередко убивали посевы.

Энгельгардт отмечал, что скотоводство благодаря
обилию лугов могло бы получить более широкое раз-
витие. Знаменитая порода мезенских лошадей, вы-
веденных от помеси местных лошадей с лошадьми
князя Голицына (сосланного сюда при Петре I), изве-
стная своей выносливостью, к тому времени уже вы-
рождалась. В 1890-х годах в Мезенском уезде насчи-
тывалось 9100 голов рогатого скота, 4900 лошадей,
13000 овец и 38000 оленей.

В устье Мезени в бытность Энгельгардта распо-
лагалось два лесопильных завода. Лес к ним
сплавлялся по Мезени и её притокам не только из
Архангельской, но и из Вологодской губернии.
Брёвна распиливались на доски и отправлялись за
границу, большей частью в Англию.

Автор «Записок» признаётся, что из всех уезд-
ных городов вверенной ему губернии Мезень «пе-
чальнее всех». Уездным городом она была назна-
чена в 1780 году. Бывшее до того поселение име-
новалось Окладниковой слободой – по имени ос-
нователя – новгородца Окладникова, жившего в
XVI веке. «В городе нет, кажется, ни одного камен-
ного здания, да и деревянные как-то обветшали и
смотрятся уныло», – сетовал Энгельгардт.

Благодаря летчикам мы успели на автобус, и через час я уже показывал жене наше новое жилище. Кроме кровати, стола с колченогим стулом и печки в комнате ничего не было. Но, как говорят в молодости, с милым рай и в шалаше.

Работы было много, каждый день мы выходили на маршрут и за день отмахивали 30-40 километров, так что домой возвращались усталые, и убогость жилья никаких эмоций не вызывала.

Питание разнообразием не отличалось — с утра молоко с хлебом, с собой в поле — банка тушенки и вечером простокваша с хлебом и чаем. К этому добавились дары природы: грибы, смородина, голубика и морошка.

Больше всего вокруг было маслят, но местное население их съедобными грибами не считало, и когда мы таскали ведра маслят домой, крутили пальцем у виска. Совсем, мол, москвичи с дуба рухнули, решили отравиться.

Попытка ловить рыбу оказалась неудачной. Заброс лески в надежде поймать семгу или какую-нибудь другую рыбу закончился потерей блесны. Как оказалось, рыбу ловить надо уметь и знать места, так как на дне много заиленных утопивших бревен, поскольку многие десятилетия по реке шел лесосплав.

Дары природы были подспорьем для многих жителей, в результате зверье в лесу лишалось корма, и, наверно, поэтому мы инстинктивно старались не встречаться в маршруте с обитателями леса.

А разного зверья там обитало немало. Самым большим хищником на российском Севере был бурый медведь. Зверь серьезный. Не гризли, конечно, но когда голодный, лучше с ним не встречаться.

Уж не знаю, как местное население, но нам с медведями пришлось встречаться не раз. Обычно, правда, его присутствие выражалось в свежей куче помета или исцарапанных стволах деревьев. Но иногда и черепом оленя, так что встречаться с ним лицом к лицу совсем не хотелось.

Голодный медведь однажды даже помог разнообразить наш рацион, так как благодаря его разбойному нападению на коровье стадо в деревне появилось мясо.

Не подумайте, что мы его у медведя отобрали. Правление совхоза выделило нам кусок от задранной медведем коровы. Досталось, конечно, и руководству совхоза, и ударникам производства. Видно, медведь знал, что мы уже пару месяцев свежего мяса не видели. Какую благодарность получил медведь лично от начальства за сие деяние, осталось неизвестным.

Так что теперь мы могли поесть не только порядком надоевшую тушенку, листья одуванчиков, гри-

бы и ягоды, но и мясо. Но вот где его хранить — было проблемой, ведь в тех местах, хотя уже заканчивался двадцатый век, холодильники редко у кого были. Народ хранил все в ледниках, благо вокруг простиралась вечная мерзлота.

В домике для сезонных рабочих, где мы жили, ледника не было. Пришлось включить сообразительность, и выход был найден — мясо загрузили в несколько целлофановых пакетов и опустили в ручей, протекающий в нескольких метрах от избышки. Вода в нем всегда была ледяная, и мясо прекрасно хранилось.

Если уж медведь решил напасть на корову, значит, явно с голодухи. Так что теперь пришлось удвоить осторожность и при виде свежих следов стараться громче шуметь, чтобы медведь услышал.

Однажды на маршруте, выйдя на опушку, мы увидели поле овса, все отравленное медведями. Я подумал, знает ли жена, что это дело рук медведей?

Тропинка шла через заросли борщевика выше человеческого роста и возле поля с овсом резко сворачивала под прямым углом. Я шел первым и сразу за поворотом увидел, что на нас несется какое-то огромное животное.

Как потом рассказывала жена, я орал что-то нечленораздельное, очевидно, она так мат называла, и, схватив ее за руку, бросился назад. Пробежав метров тридцать, мы остановились, так как вспомнили, что от медведя лучше не убегать и самое лучшее, что можно придумать, — это громко шуметь. Шум и треск на противоположном конце тропинки стал удаляться, и, осмелев, мы вернулись на исходную точку. Вдали улепетывало со всех ног какое-то большое коричневое животное. Достав бинокль, я увидел лошадь, галопом летевшую в противоположном направлении. Видно, она испугалась не меньше, когда столкнулась с нами нос к носу.

Вечером сосед, работающий конюхом, рассказал, что медведи в округе совсем распоясались и сегодня пытались напасть на совхозную лошадь. Прибежала, говорит, вся взмыленная, дрожит от страха.

Рассказывать ему, кто были те медведи, мы не стали, сохранив эту тайну.

* * *

В одном из маршрутов мы попали и в самое древнее поселение на поморском Севере — деревню Лампожню. Из Заакакурья проселочная дорога петляла среди пойменных лугов и уперлась в протоку — курью по-поморски. Дорога привела к броду, который мы смогли перейти, так как на реке был отлив.

Лампожня упоминается в грамоте Ивана Грозного от 1545 года. Лампожня являлась важным пунктом, где дважды в год происходили ярмарки. Эта деревня была отмечена на карте России английского купца Антония Дженкинсона в 1562 году. Название деревни произошло от первопоселенца – купца Лампея (в других источниках Лам) и от названия на диалекте поморов сенокосов – пожни.

Известный русский историк Александр Кизеветтер писал, что ярмарка в Лампожне «служила важным пунктом экономического сцепления Восточного Поморья с Западным».

Ярмарка действовала два раза в год. Сюда прибывали из Печорских тундр самоеды с пушиной и «рыбьим» (моржовым) зубом. Сюда приезжали с мехами и серебром Югра и сибирские инородцы, и сюда же являлись купцы с Западного Поморья для обмена этих мехов на произведения своих промыслов и на товары, привозившиеся на север из центральной Руси. Лампожня со своей ярмаркой служила главным пунктом меновой торговли мехами с самоедами и Югрой. Выменянные здесь меха поморские купцы везли на большую ярмарку в Холмогоры к зимнему Николину дню».

Товары, выменянные на ярмарке в Лампожне, отправлялись через Пинегу в Холмогоры, откуда – в Новгород, а также Вологду и Москву.

После открытия в 1553 году английским мореплавателем Ричардом Ченслером морского пути в Северную Двину англичане, заручившись в 1555 году грамотой царя Ивана Грозного на право беспосредственной торговли, стали активно развивать торговые отношения с Россией. Не ограничиваясь торговыми операциями на Двине, они проникли на Мезень и Печору. Английские купцы посещали торговую ярмарку в Лампожне. Так, английский купец Ричард Грей, занимавшийся строительством канатной фабрики в Холмогорах, в своём письме, отправленном в Англию в 1559 году, писал, что вслед за холмогорскими купцами он собирается посетить ярмарку в Лампожне, которая в этом году «будет больше, чем в предыдущие десять лет», и намерен «взять туда с собою для обмена несколько сукон».

Англичане считали Лампожню одним из важнейших торговых центров. Английский торговый агент Михаил Локк, длительный период проживавший в России, в своём письме «О выгодах для Англии торговли с Россией», написанном в 1575 году, называет Лампожню среди «главных торговых городов» на Русском Севере, к числу которых наряду с Лампожней он относит Вологду, Холмогоры и Великий Устюг.

С возникновением в низовьях реки Мезень Окладниковой слободы и возвышением её роли, по утверждению известных русских историков С.Ф.Платонова, А.А. Кизеветтера и других, «около 1600 года» ярмарка из Лампожни была перенесена в Окладникову слободу, нынешнюю Мезень.

В Лампожне родился в 1930 году Владимир Семёнович Кузин – первый советский лыжник, выигравший золото на Олимпиаде и чемпионате мира.

Возвращаясь из Лампожни, мы уже не смогли пройти брод, так как вода поднялась, и пришлось ждать, пока её уровень опустится. Воспользовавшись попутным трактором с телегой, мы вернулись в Заакакурье.

На следующий день в маршруте нам пришлось столкнуться с самыми опасными животными в этих краях.

Самым опасным зверем в тех краях были не медведи, которые в принципе на человека нападают очень редко, а одичавшие собаки, у которых никакого страха по отношению к человеку нет. Стая одичавших собак опасна гораздо больше, чем медведь. С такой стаей нам и пришлось столкнуться.

В тот день маршрут проходил в километрах 20 севернее Мезени, где в основном по берегам простиралась лесотундра, открытые пространства, покрытые ягелем и зарослями морошки, карликовых берез и осин, изредка сменялись небольшими рощами невысоких хвойных деревьев.

Повезло, так как вой собак мы услышали задолго до того, как собаки нас увидели и унюхали. В тот момент мы шли вдоль кромки болота, и собачий вой доносился как раз впереди по маршруту.

Если бы ветер дул в другую сторону, то собак бы не услышали и натолкнулись прямо на стаю.

В тундре в такой ситуации есть только несколько способов отпугнуть собак – это оружие и огонь. Ни того ни другого не было, а одним ножом против стаи собак не повоюешь.

Посмотрев на карту, мы повернули назад, стараясь убежать от стаи, но лай собак становился все слышнее, и вдруг там, где болото перешло в довольно узкую протоку, мы увидели стаю, которая двигалась параллельно с нами по противоположному берегу.

К счастью, собаки не любят плавать в холодной воде и, очевидно, были не так уж голодны. Во всяком случае, перебираться через протоку вплавь они не стали.

Бегом мы неслись подальше от протоки в сторону Мезени, и скоро вой собак перестал быть слышен.

Выйдя к главному руслу реки, мы решили, что лучше двигаться вдоль нее по огромным песча-

ным плесам, дабы видеть все вокруг и, если появятся собаки, просто войти в воду или переплыть на один из многочисленных островов.

На плесах, как оказалось, поджидала другая опасность. Там гнездились чайки и крачки, которым совсем не понравилось появление людей, и они с громкими криками стали пикировать, стараясь ударить крылом или клювом, а также прицельно гадя прямо на головы.

В результате такого бомбометания мы очень быстро оказались покрытыми следами птичьей жизнедеятельности и постарались побыстрее покинуть поле боя.

В этот день мы вернулись с маршрута раньше обычного, радуясь чудесному спасению и тому, что отделались лишь испачканной одеждой.

Дабы избавиться от следов нападения птиц, пришлось попроситься в баню к соседям, так как своей бани в нашем домике не было.

Деревенская баня, да еще и натопленная по-черному, оставила незабываемые впечатления. Отмыв следы жизнедеятельности птиц, мы вылезли из бани измазанные в саже. Но это было все-таки лучше, чем птичий помет.

* * *

В Мезени, как и по всему Поморью, в случае избавления от какой-то опасности, начиная с первых столетий христианства, был распространен обычай ставить кресты в знаковых местах. Кто-то с моря вернулся живым, кто-то не вернулся — так на память и ставили. Ставили также и на высоких берегах, и кресты помогали не заблудиться у береговой линии, были чем-то вроде маяков и указательных знаков. Мы видели много таких крестов, и часто на них были привязаны лоскутки материи. Прошли столетия, а обычай так и остался. Больше всего мезенских крестов находится в деревне Кимжа. Особенно ценится Кимженский обетный крест около переправы через Мезень. Самый известный Поклонный крест стоит в центре села Дорогорское.

Незаметно пролетели три летних месяца, и пора было возвращаться в Москву. За лето мы не только обошли собственными ножками пятьдесят пять тысяч гектаров, но и засушили грибов, перетерли с сахаром два ведра голубики, и все это богатство теперь должно было ехать вместе с нами в Москву.

Главной проблемой было сесть в самолет в Мезени. Была на севере такая особенность, когда, имея на руках билет, ты мог не попасть на свой рейс. Если до этого была нелетная погода, в аэропорту скапли-

вались люди с предыдущих рейсов, и все они горели желанием улететь, а дополнительных рейсов никто не организовывал в силу отсутствия самолетов. Тогда эти пассажиры и улетали первыми.

Не попав на рейс из Мезени, мы не попадали и на свой рейс из Архангельска в Москву.

Желание попасть домой творит с людьми чудеса и позволяет им совершать невозможное. Как только самолет вырулил на посадку, мы с женой, имея совершенно неподъемный груз в руках и на плечах, умудрились выиграть забег у других пассажиров и оказаться у трапа одними из первых.

Прилетев в Архангельск, долго удивлялись, как это нам удалось, потому что на улице мы оставались с нашим багажом каждые десять метров и отдыхали, настолько он был тяжел. Хорошо, хоть ящик с экспедиционным оборудованием оставался у заказчиков для дальнейшей переправки в Москву.

* * *

Москва встретила необычной чистотой и порядком, так как только что закончилась Олимпиада и ради нее город подчистили, навезли продуктов, и нам даже довелось попробовать то, чего никогда раньше в московских магазинах не встречалось.

Столько финских продуктов Москва не видела с 1917 года, и многие, кому посчастливилось пользоваться этим временным изобилием, стали сомневаться, что капитализм такой уж плохой, как о нем рассказывают с экранов телевизоров и страниц газет.

Об этом изобилии в одном отдельно взятом городе скоро пришлось снова забыть, и страна продолжила жить в развитом социализме со всеми его прелестями.

* * *

Прошли десятилетия. В 2008 году Архангельск и Мезень наконец соединили дорогой, и теперь добраться до Мезени можно не только самолетом или морем.

Расстояние от Архангельска 340 километров. Дорога грунтовая, и грейдер и не каждая машина способны по ней проехать, особенно в период распутицы.

Наибольшая численность населения в городе наблюдалась в начале 90-х и с тех пор неуклонно уменьшалась.

Площадь Мезенского района больше площади Бельгии, Молдавии или Армении. К концу XIX века здесь проживало 24 тысячи русских и полторы ты-

сячи самоедов. В 40-е годы XX столетия в районе проживало более 24 тысяч человек.

На Великую Отечественную войну из Мезени, при населении района в 24 тысячи человек, ушли на фронт 5700 человек. Из них погибли 2600.

Сейчас в районе проживает чуть больше 7 тысяч.

В самом городе Мезени в 2022 году проживало 2,9 тысячи человек. По сравнению с 1980 годом население уменьшилось почти вдвое.

Уменьшение населения наблюдается уже многие годы. Деревня Заакакурье, в которой мы жили, когда-то была селом, и в ней была церковь. Первые упоминания об этом поселении под названием Заакакурская пустынь; по переписям и метрическим книгам 1806, 1809, 1816, 1827, 1830, 1832 годов – деревня Никольская, 1840 год – село Николаевское; по переписям, метрическим книгам и духовным росписям 1850, 1861, 1864, 1865, 1876, 1884, 1897, 1899 годов – село Заакакурское; с 1900-х годов – деревня Заакакурье. Название произошло от поморского слова курья – протока, то есть деревня за протокой.

Поселение развивалось рядом с храмом Николая Чудотворца. Семь раз церковь горела и отстраивалась заново. В 1680 году церковь получила статус прихода. Первые крестьянские дома в Заакакурье зафиксированы в 1710 году в переписи полковника Перекрестова, до этого там жили только служители храма. В 1980 году в деревне уже были нежилые дома. Молодежь уезжала из деревни в города в поисках другой жизни. По последней переписи населения в 2012 году, в деревне проживали 73 человека.

В советские времена луга Мезени кормили поголовье в 10000 совхозных коров и тысячи частных коз и овец.

В 2012 году на весь Мезенский район осталось чуть больше 500 коров и 7 овец. Масла почти не производят. Сыра не делают вообще.

Как и раньше, рядом в тундре пасутся олени. Каждый год через Мезень они уходят с летних пастбищ на берегу моря на зимние пастбища в леса. На пути их миграции был построен мясокombинат, который известен всему московскому ресторанному сообществу как производитель уникальных деликатесов из оленины. Теперь комбинат стоит. Деликатесы не делаются.

На другом берегу реки в поселке Каменка – лесоперерабатывающий завод. Мезенский лесозавод – самый северный лесозавод в Европе. Первая лесопилка появилась тут еще в XVIII веке. Постепенно завод разрастался, принадлежал разным хозяевам. В советское время завод работал на экспорт. Доски с причалов уходили прямо в Евро-

пу. Что такое «Mesen board» («Мезенская доска»), знали в Англии, Ирландии, Голландии, Франции, Германии, на Ближнем Востоке.

Притундровые леса растут долго. Толщину, до которой дерево дорастает в средней полосе за 50-60 лет, в северных краях оно достигает лишь за 120-150 лет. Из-за такого медленного роста толщина годичных колец в арктической древесине очень мала. Доска получается уникально плотная и по своим прочностным характеристикам превосходит любую другую европейскую хвойную доску. Все это в Европе знают и предпочитают мезенскую доску любой другой.

Но завод теперь стоит. Если в 1980 году, в то время, когда проходила наша экспедиция, в Каменке проживало и работало около 6 тысяч, то перепись 2021 года насчитала лишь 1847 человек.

С появлением автодороги Архангельск – Мезень район стало посещать больше туристов, несмотря на то что организованный туризм в районе почти отсутствует. В саму Мезень и севернее – в тундру туристам нужно разрешение, ведь здесь по-прежнему пограничная зона, хотя до ближайшей границы сотни и сотни километров.

В Мезени есть историко-краеведческий музей, созданный в 1980 году. Располагается он в историческом деревянном здании, построенном в 1875 году по индивидуальному проекту для размещения городской думы. Экспозиция, рассказывающая об истории, культуре края, насчитывает 9 тысяч единиц хранения, в том числе 5 тысяч предметов основного фонда. Здесь проводятся экскурсии на темы: «Улицы города рассказывают», «Страницы истории Мезенского края», «Пути-дороги мезенских поморов», «Быт и занятия мезенских крестьян в конце XIX – начале XX века», «Мезенский край приполярный, географическое положение и природные условия края».

Много лет, из года в год, предпринимаются попытки остановить убыль населения и развивать традиционные виды хозяйствования и туризм. Разрабатываются планы развития туризма в районе, и вот один из них, принятый районной администрацией.

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПРОГРАММА «РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «МЕЗЕНСКИЙ РАЙОН» НА 2019 – 2021 ГОД

Привлечение туристов должно способствовать оживлению экономики, созданию дополнительных рабочих мест, увеличению доходов населения, формированию имиджа района как туристического центра на севере Архангельской области.

Мезенский район обладает уникальными природными и историко-культурными ресурсами для развития туризма. Из-за отсутствия в районе развитых транспортных коммуникаций и развитой инфраструктуры использование этих ресурсов крайне ограничено. Кроме этого, в районе имеется туристический продукт особых отличительных свойств: поморская тематика в сочетании своеобразной архитектурой северных деревень, наличие уникальных объектов, присущих только нашей местности, – Одигитриевская церковь, ветряные мельницы, обетные кресты. Лошади мезенской породы (мезенки) и гончарные изделия – мезенские ладки – являются определяющими критериями уникальных свойств туристского продукта, локальными брендами. На территории района сохранились деревни со старинными жилыми постройками, поморским укладом жизни, бытом, поморскими традициями. В районе сохраняются и возрождаются старинные промыслы и ремесла: роспись, гончарное производство, ткачество, плетение поясов, бондарное ремесло, изготовление саней, лодок и др. Традиционными стали – круг съезжих праздников, областные лыжные соревнования на приз олимпийского чемпиона В.С.Кузина, областные соревнования конников мезенской породы лошадей. Приоритетным направлением развития туризма в районе должен стать культурный и сельский (гостевой) туризм, событийный и паломнический. В настоящее время на территории Мезенского района работают 20 туристских маршрутов. В 2013 году издан буклет «Туристические маршруты Мезенского райо-

на», в 2016 г. изданы буклеты деревень Кимжа, Погорелец, Кильца, Лампожня. Деревни Кимжа и Кильца (2017 и 2018 гг. соответственно) вошли в «Ассоциацию самых красивых деревень России», всего в Российской Федерации таких деревень меньше десятка, в Архангельской области всего четыре, из которых две в Мезенском районе.

Развитие туризма на территории Мезенского района перспективно и позволяет решить ряд задач: оживление экономики, открытие новых рабочих мест, сохранение традиций, поморской культуры и возрождение ремесел, повышение благосостояния населения, предоставляющего услуги в сфере туризма.

* * *

Такие же программы разрабатывались и ранее, но, судя по результатам, поток туристов так и остался незначительным. Так, за время работы программ по развитию туризма с 2008 по 2012 год количество туристов с 42 человек в 2008 г. возросло до 200 человек в 2011 г. (данные по сельским гостевым домам). Для района площадью более 34 тысячи квадратных километров эти цифры по-прежнему мизерны.

Александр РЕСИН

родился в Москве в 1961 году.

По специальности биолог и географ.

Работал в Институте эволюционной морфологии и экологии животных имени А.Н. Северцова АН СССР, в Институте охраны природы и заповедного дела Министерства экологии и природных ресурсов СССР, в совместной советско-вьетнамской экспедиции и в Монреальском университете в Канаде.

Дипломант конкурса «60 плюс» журнала «Москва» в номинации «Публицистика», за статью «Как Сталин снижал цены» (2018), в том же журнале опубликована в ноябре 2021 г. статья «Свастика над Канадой».

Многokратно публиковался в журнале «Работница».

